

ПОЗДНИЙ НЕОЛИТ ЗАУРАЛЬЯ: ПОЛУДЕНСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА

© 2021

Яковлева Е.С.

Южно-Уральский филиал Института истории и археологии УрО РАН (г. Челябинск, Российская Федерация)

Аннотация. В статье рассматривается полуденский дискурс в контексте историографии и современных исследовательских практик. Анализируются изменения атрибутивных характеристик и сущностной интерпретации полуденской керамики (культуры, традиции) и связанные с этим эмпирические и теоретические сложности. Отмечается, что проблема типологических критериев связана с периодизационной парадигмой – использованием трех- или двухчленной периодизации, включающей или исключающей переходный этап в материальной культуре зауральского неолита между ранней и поздней стадией развития. Рассматривается вопрос генезиса полуденской традиции и инокультурного влияния, а также ее локального обособления на южной периферии культуры. Предполагается, что орнаментальное своеобразие полуденской керамики в лесостепном Притоболье связано с взаимодействием зауральского населения в конце раннего неолита с носителями маханджарской традиции; подчеркивается участие кошkinsкого компонента в формировании полуденской традиции на предшествующей стадии. В качестве решения предлагается вернуться к представлению о переходном этапе между ранним и поздним неолитом, вероятно, на отрезке, совпадающем с периодом сосуществования всех традиций, используя уже сложившийся термин – «козловско-полуденский»; также отмечается перспективность анализа материальных комплексов с учетом географического фактора.

Ключевые слова: Зауралье; лесостепное Притоболье; периодизация; поздний неолит; кошkinsкая традиция; козловско-полуденская традиция; полуденская традиция; маханджарская традиция; типология; социокультурные взаимодействия.

THE LATE NEOLITHIC OF TRANS-URALS: POLUDENKA ISSUES

© 2021

Yakovleva E.S.

South-Ural Branch of Institute of History and Archaeology of Ural Branch of Russian Academy of Sciences
(Chelyabinsk, Russian Federation)

Abstract. The paper examines the Poludenka discourse in the context of historiography and modern research practices. It analyzes changes in attributive characteristics and essential interpretation of Poludenka ceramics (culture, traditions) and the associated empirical and theoretical difficulties. It is noted that the problem of typological criteria is associated with the periodization paradigm – the use of three- or two-stage periodization, which includes or excludes a transitional stage in the material culture of the Trans-Urals Neolithic between the early and late stages of development. The issue of the genesis of the Poludenka tradition and foreign cultural influence, as well as its local isolation on the southern periphery of culture, is also considered. It is assumed that the ornamental originality of the Poludenka pottery in the forest-steppe Pre-Tobol Region is associated with the interaction of the Trans-Urals population at the end of the Early Neolithic with the bearers of the Makhanjar tradition; emphasizes the participation of the Koshkino component in the Poludenka tradition creation at the previous stage. As a solution, it is proposed to return to the notion of a transitional stage between the Early and Late Neolithic, probably at the interval that coincides with the period of coexistence of all traditions, using the established term – «Kozlovo-Poludenka»; the author also notes the perspective of material complexes analysis taking into account the geographical factor.

Keywords: Trans-Urals; forest-steppe Pre-Tobol; periodization; the late Neolithic; Koshkino tradition; Kozlovo-Poludenka tradition; Poludenka tradition; Mahhanjar tradition; typology; sociocultural interactions.

Введение: историография вопроса

Полуденская проблематика в неолите Зауралья имеет давнюю историю. Исследование эпонимного памятника проводилось в 1940–50-х гг. О.Н. Бадером [1], а затем Н.П. Кипарисовой и В.М. Раушенбах. В 1970 г., развивая трехчленную периодизацию неолита В.Н. Чернецова, О.Н. Бадер предложил переименование второго этапа развития восточноуральской культуры из юрынско-горбуновской в полуденскую [2]. В 1980 г. В.Ф. Старков [3] предлагает периодизацию с иными названиями этапов: «ранний-развитый-поздний неолит», но в целом развивает трехстадийную концепцию. Историографически закрепились терминология О.Н. Бадера.

В 1989 г. на смену трехстадийному делению неолита пришла двухчленная двухстадийная периодиза-

ция В.Т. Ковалевой [4]. Хотя основная идея – развитие орнамента от прочерченно-накольчатых к гребенчатым – в обеих концепциях одинакова, принципиальным различием является исключение развитого этапа, который, по существу, является переходным, из двухстадийной схемы. Это повлекло за собой расхождение в интерпретации полуденских материалов. Так, О.Н. Бадер, описывая керамику полуденского этапа, перечисляет признаки: сохранение отступающее-накольчатой техники, но в более разреженном виде, широкое применение орнаментации волнистыми прочерченными линиями, применение гребенчатого штампа в качестве дополнения к волнистому прочерчиванию и отступающее-накольчатым узорам [2, с. 162]; характеристика В.Ф. Старкова [3, с. 91–112] вполне согласуется с ними. Под это описание попа-

дает как собственно полуденская керамика, как ее принято сегодня понимать, так и козловская посуда позднего облика – судя по приводимым автором иллюстрациям [2, рис. 2: 18, 20, 21], под «волнистым прочерчиванием» понимается узор, нанесенный не только зубчатым штампом, но и стержнем. Керамика, орнаментированная преимущественно и исключительно гребенчатым штампом, относится им к позднему неолиту и сосновоостровскому этапу.

В.Т. Ковалева поменяла статус полуденского этапа, выделив его в культуру и соотнесла с поздним неолитом вместо развитого, впрочем, сохранив атрибутирующий критерий поздненеолитического этапа – орнаментацию преимущественно гребенчатым штампом. Это сказалось на понимании не только керамики как таковой, но и эволюции материальной культуры в целом: хотя преемственность козловско-полуденской линии развития поддерживается автором, «переходные» орнаментальные формы развитого (в трехчленной концепции) неолита остались за пределами специальной интерпретации. Кроме того, в отличие от позиции О.Н. Бадера, В.Т. Ковалева именно прочерченную технику считает наиболее ранней и выносит в начало раннего неолита. Керамика же «сосновоостровского этапа» (к нему в целом отнесена «гребенчатая», то есть украшенная монотонными оттисками штампа, керамика) была соотнесена в целом с финалом неолита-энеолитом [4, с. 46; 5, с. 51–52].

В.А. Зах, многолетний оппонент В.Т. Ковалевой по вопросу периодизации неолита, хотя и сформулировал прямо противоположную культурно-хронологическую схему, в которой козловские комплексы вместе с полуденскими отнесены к позднему неолиту в качестве двух последовательных этапов «полуденковской культуры», не внес принципиально нового понимания в типологическую их характеристику [6].

Далее в историографии речь шла именно о полуденской керамике. В 2011 г. А.А. Бунькова опубликовала материалы эпонимной стоянки, внося уточняющие коррективы в характеристики посуды данного типа: «использование в орнаментации исключительно гребенчатого штампа, но в разных техниках» [7, с. 139].

Таким образом, за более чем полувековую историю исследований полуденские материалы прошли путь от «развитого этапа» в эволюции культуры до типа посуды, синонимичного культуре позднего неолита, а главной характеристикой стала смена инструмента – полный переход к использованию зубчатого орудия.

Проблемы типологии

При кажущейся простоте критерия, в процессе атрибуции конкретных материалов регулярно возникают сложности и чувство недостаточности предлагаемых критериев [8, с. 21–24] из-за неочевидности признаков, отделяющих «еще козловскую» от «уже полуденской» керамики, и, кроме того, явных локальных особенностей поздненеолитической керамики. Эмпирическим следствием затруднения стало введение в оборот категории «козловско-полуденский» для групп керамики [9, с. 64, 66], «козловско-полуденковского» для круга памятников [8, с. 21–24], а также синонимичного «позднекозловско-юрьинско-полуденского» для обозначения совместного коллектива [10, с. 46], оставившего материальные комплексы Кокшаровского холма, отражающие эволюционный переход от ранненеолитической традиции к поздненеолитической. Продолжая начатую коллегами дискуссию о типологических критериях и орнаменталь-

ной эволюции керамики козловско-полуденской линии развития, ниже будут приведены замечания по материалам лесостепного Притоболья и Южного Зауралья.

Так, в керамических комплексах территории с известной регулярностью встречаются сосуды, орнаментированные двузубым инструментом (рис. 1: 1, 2), однако отличным от ранненеолитической «расщепленной/двузубой палочки» (рис. 1: 4) более широкой постановкой зубцов – расстояние между зубцами равно размеру зубца (рис. 1: 3). Видимо, такой орнаментир можно считать частным случаем зубчатого (ранее В.Ф. Старков отнес «раздвоенную палочку» к разновидности штампа и связал с развитым неолитом [3, с. 96]). В этот же проблемный ряд можно поставить сосуды с рядами отступающих наколов, нанесенных трехзубым инструментом, поставленным под углом так, чтобы оставлять двузубые оттиски (рис. 1: 5, 6), а также и прямо поставленным инструментом (рис. 1: 7). Формально зубчатый характер орнамента отвечает критерию полуденской орнаментации. Однако относительно узкий рабочий край в целом создает ассоциации с козловским или кошкинским отступающее-накольчатый орнаментом. Кроме того, осмотр ряда наколов ставит вопрос о характере инструмента: например, использование естественного орнамента (зуб животного) или «лопаточки» из дерева [11, с. 93, рис. 7: 1, 2] оставит характерный зубчатый рельеф, хотя, по сути, является «стержнем». Очевидно, без трасологических и экспериментальных исследований данный вопрос решаться не может. Однако же можно полагать, что традиции использования орнаментальных инструментов и изменения в этих практиках вписаны в контекст общего типологического развития керамики в рамках козловско-полуденской (или кошкинско-козловско-полуденской?) линии, с постепенной заменой стержневого инструмента зубчатым штампом.

Также бывает затруднительна однозначная атрибуция сосудов с монотонным чередованием рядов из оттисков или шагающего гребенчатого штампа и прочерченных стержнем или отступающее-накольчатых линий (рис. 2: 1), так как встает вопрос интерпретации гребенчатого орнамента как подчиненного, «разделительного» для прочерчено-накольчатых лент, либо доминирующего, с разделительными линиями в прочерчено-накольчатой манере; особенно, если сосуд отличается существенной неполнотой и возможно изменение композиции и техники орнаментации на отсутствующей поверхности (рис. 2: 2). Причем зафиксирован целый ряд сосудов с «козловской» – то есть прочерчено-накольчатой, или преимущественно прочерчено-накольчатой, орнаментацией верхней части, и «полуденской» – гребенчатой – придонной части (рис. 2: 3, 4). Типологическая атрибуция многих таких сосудов может быть осуществлена только контекстно, но в абсолютном большинстве случаев памятники многослойные, а стратиграфия не всегда надежна – и уверенное соотнесение «проблемных» артефактов с ранне- или поздненеолитическим комплексом становится затруднительным. И если для археологически целых сосудов проблема в значительной степени решается, то для отдельных венчиков и стенок (рис. 2: 5–7) атрибуция является в определенной степени вероятностной и ситуативной, что в таком случае ставит под вопрос возможность подсчета количества сосудов определенного типа в коллекции по донцам, слишком малым венчикам и «оригинальным стенкам».

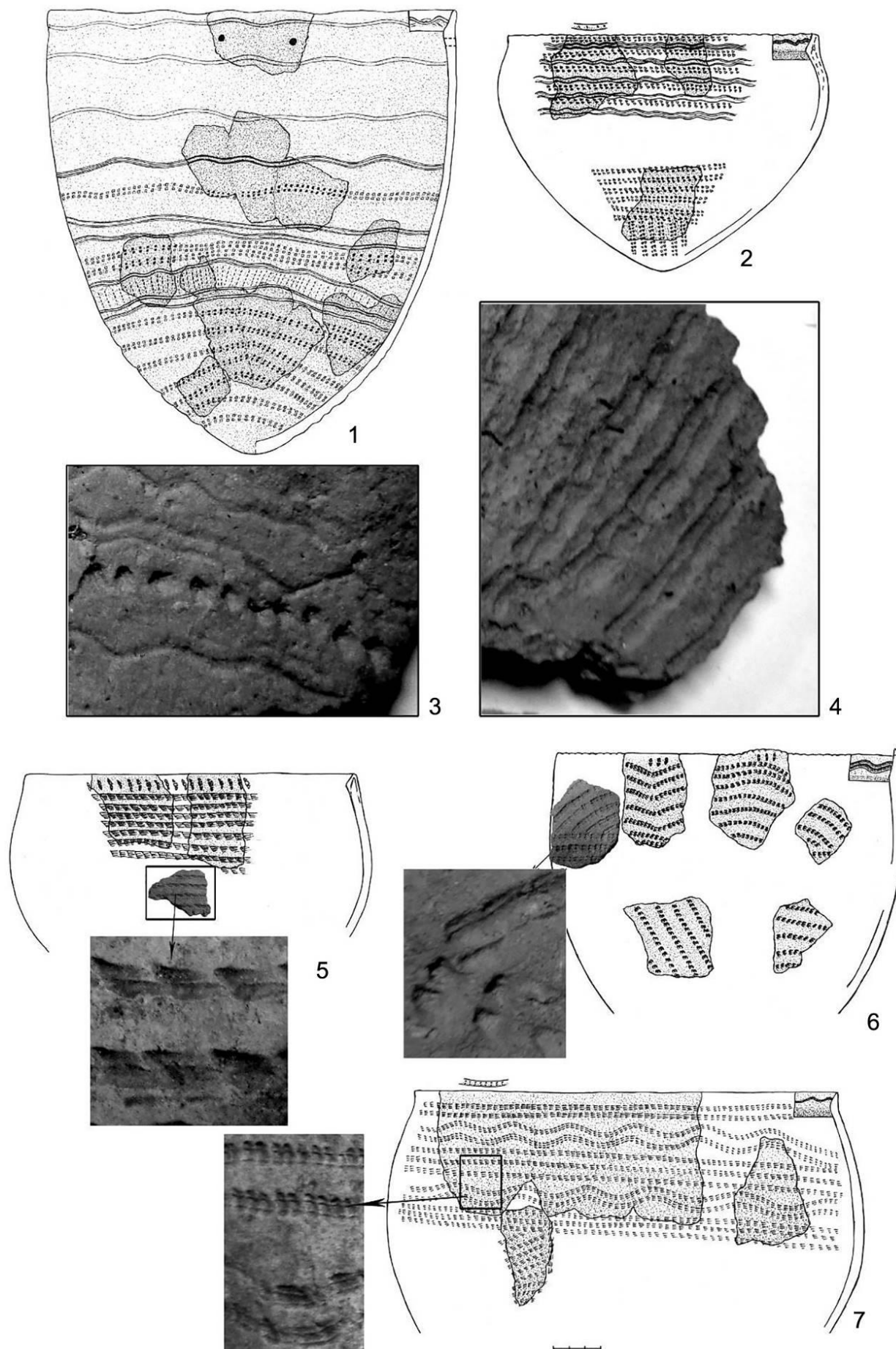


Рисунок 1 – Орнаментация двух- и трехзубым инструментом:
1 – ст. Кедровый мыс 1; 2–6 – пос. Ташково 1; 7 – пос. Кочегарово 1

Кроме того, упомянутое использование «исключительно» гребенчатого штампа в различных техниках, вероятно, справедливо для полуденской посуды эпонимного комплекса, но не ограничивает ее разнообразие для более широкого круга памятников. Целый ряд полуденских сосудов включает в свой композиционный набор не только «преимущественно гребенчатые» узоры, но и такие, в которых зубчатый инструмент является не доминирующим, а эмпирически значимым критерием соотношения с поздним неолитом. Так, сосуд с пос. Усть-Сурка 4 (рис. 2: 8) сочетает в примерно равной пропорции техники накаливания и прочерчивания стержнем и шагания и оттисков короткого гребенчатого штампа; сосуд со ст. Кедровый мыс 1 (рис. 2: 2) орнаментирован и оттисками штампа, и отступающими наколами, и прочерченным зигзагом; сосуд со ст. Краснокаменка (рис. 2: 9) сочетает шагание штампом, наколы и прочерчивание двузубым и стержневым (возможно, одно орудие, поставленное разными сторонами) инструментом.

Периодизация и хронология

В такой ситуации представляется адекватным решением проблемы возвращение к исходным установкам и пониманию полуденской традиции не только в усеченном виде, на основании только лишь орнаментального инструмента. Выделяя полуденский этап, О.Н. Бадер подразумевал не столько конкретный тип керамики, сколько логику эволюции керамических комплексов. Результаты анализа ранне-неолитических комплексов Зауралья позволяют утверждать, что следующие признаки: возрастание доли разреженности орнаментации, прочерченной техники, в том числе в виде волнистых линий, частоты использования зубчатого инструмента – указывают на более поздние черты в ранне-неолитических комплексах. Эти же характеристики первоначально были заложены в понимание «развитого» неолита, то есть переходного этапа от раннего неолита к позднему [2, с. 162; 3, с. 93]. По этой причине операциональный термин, уже использованный коллегами в печати – «козловско-полуденский» («позднекошаровско-юрынско-полуденский») (для сосудов или комплексов) – представляется логически и эмпирически удобным для исследования проблемы перехода материальной культуры раннего неолита к качественно новому состоянию.

В этой связи примечателен уже отмечавшийся в литературе факт сосуществования материалов раннего и позднего неолита на протяжении порядка 300 лет – по абсолютным датам [12, с. 111], а также по нескольким случаям фиксации конкретно козловских и/или кошкинских вместе с полуденскими: пос. Ташково 1 (раскопки 2018 г.) и пос. Охотино, Кокшаровский холм [10]; одинаковые «планиграфические и стратиграфические условия залегания» керамики разных типов отмечаются для жилища 1 пос. Полуденка 1 [7, с. 139].

Так как преемственность козловско-полуденской линии развития не вызывает сомнений у подавляющего числа исследователей, некоторое несоответствие между хронологическим «нахлестом» ранне- и поздне-неолитической традиций и немногочисленностью заявленных фактов их сосуществования может

быть объяснено двумя факторами: во-первых, историографической традицией разделения «прочерченных» и «гребенчатых» комплексов [13, с. 42; 7] в разные группы и скепсис касаясь их возможной одновременности; во-вторых, самим фактом эволюционных подвижек в материальной культуре, делающим «позднекозловские» сосуды малоотличимыми от полуденских. При этом анализ сосудов с наиболее ранними поздне-неолитическими датами: ст. Краснокаменка (рис. 2: 9) – 6095 ± 80 л.н., 5980 ± 90 л.н., Полуденка 1 – 5970 ± 80 л.н. [7, с. 136, рис. 10: 6; 15, с. 39], пос. Долговское 3 – 5880 ± 100 л.н. (рис. 3: 1) – пока не дает возможности выделить признаки «ранне-полуденской» керамики; предположительно, прочерчивание стержнем наравне с использованием «гребенки» и отступающе-накольная техника с использованием узкого штампа могут указывать на более раннюю хронологическую позицию.

Культурогенез

Хотя преемственность между козловской и полуденской традициями и в целом эволюционный характер развития не ставятся под сомнение, есть некоторые нюансы, требующие замечаний.

Во-первых, это участие кошкинской, а точнее – позднекошкинской традиции в сложении полуденской. Ранее нами в соавторстве с В.С. Мосиным было отмечено, что к концу раннего неолита две прочерчено-накольные традиции, и в начале отличавшиеся определенной близостью, сливаются. Кроме орнаментально-морфологических признаков, в пользу этого свидетельствуют и смешанные шамотно-ташковые рецепты в формовочных массах всех групп керамики пос. Ташково 1 и Кочегарово 1, обнаруженные И.Н. Васильевой (подробная публикация полученных результатов анализа предполагается к печати). Поэтому, хотя в целом проблемное поле полуденской традиции ограничено генетической связью с козловской, стоит отметить и редкие, но от того не менее важные реминисценции из кошкинской традиции в полуденской посуде: «карнизники» по венчику (рис. 3: 1–4), подчеркнутые канелюрой, мотив чередования волн и прямых (рис. 1: 7), вертикальная орнаментация (рис. 3: 7–9). Также намеренно к «поздним кошкинским» мной отнесен сосуд с очень разреженной тонкой орнаментацией прочерчиванием, отдельными наколами, со слегка залощенной внешней поверхностью и оттисками гребенчатого штампа (рис. 3: 5). Кстати, ранее аналогичный – с оттисками штампа по придонной части – сосуд с пос. Охотино (рис. 3: 6) был атрибутирован как кошкинский, что не вызвало вопросов в литературе [15, с. 42].

Во-вторых, вероятное участие «соседей» в формировании локального варианта полуденского типа керамики. В своих работах В.Т. Ковалева, в том числе с С.Я. Зыряновой, несколько раз высказывалась об участии носителей гребенчатой традиции Прикамья в сложении зауральского позднего неолита [3, с. 62; 17, с. 63]; однако идея не получила широкой поддержки или развития. В то же время исследования последних лет обнаружили вектор взаимодействий зауральского населения с носителями «гребенчатой» традиции, только не с запада, а с юга [8; 18]. Судя по

имеющимся данным, период взаимодействий приходится на довольно ограниченный временной интервал конца VI – начала V тыс. до н.э. (в калиброванных значениях) (пос. Ук 6, Кочегарово 1, Мergenь 7), и маханджарская керамика при этом сопутствует боборыкинской или козловско-кошкинской, козловско-

полуденской группам (в коллекции пос. Бестамак (Тургайский прогиб), напротив, козловско-полуденская и боборыкинская керамика сопутствуют доминирующей группе маханджарской посуды [9, с. 64]). Впрочем, эта тема пока находится только в начале своего исследования.

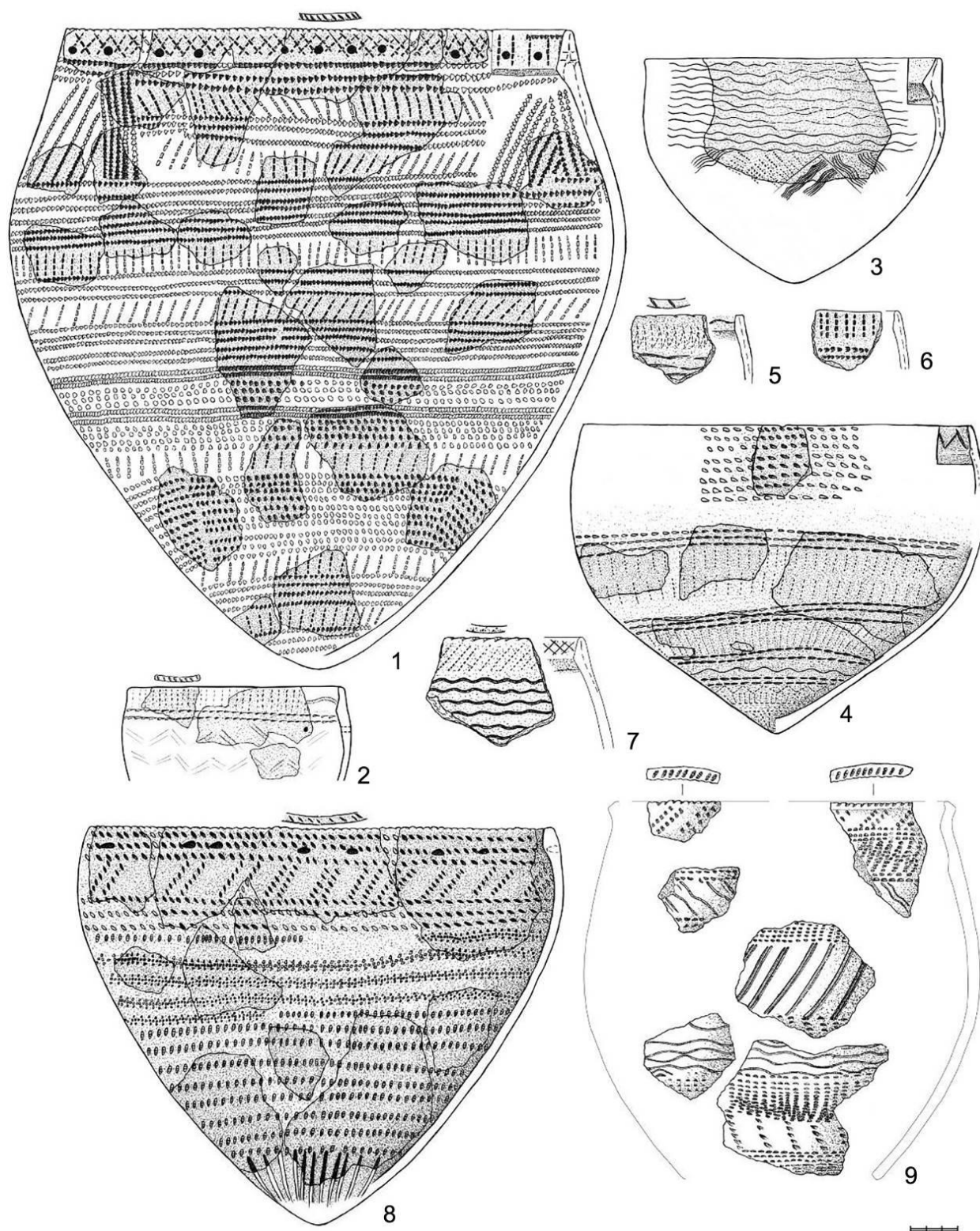


Рисунок 2 – Козловско-полуденские сосуды:

1, 3, 5–7 – пос. Кочегарово 1; 2 – ст. Кедровый мыс 1;

4 – пос. Ташково 1; 8 – пос. Усть-Сурка 4;

9 – ст. Краснокаменка (реконструкция приводится по: [13, с. 108, рис. 33])

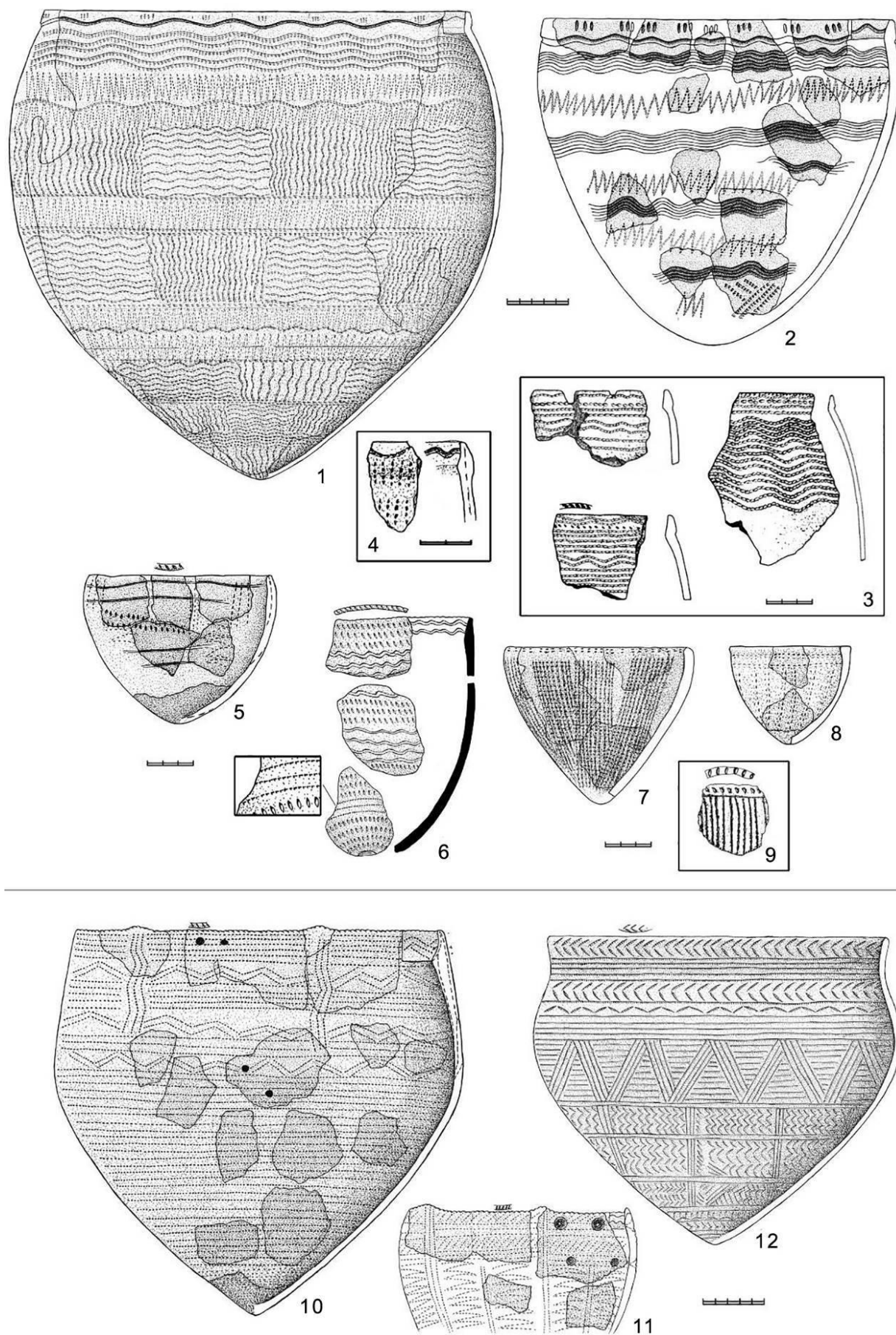


Рисунок 3 – Следы социокультурных взаимодействий в керамике:

1 – пос. Долговское 3; 2 – пос. Ташково 1; 3 – ст. Кокшаровско-юрьинская (кошкинская керамика) [15, с. 84, рис. 8: 3–5]; 4 – пос. Дачный 2; 5 – пос. Ташково 1; 6 – пос. Охотино [19, с. 55, рис. 4: 5]; 7, 8 – ст. Кедровый мыс 1; 9 – ЮАО-ХIII-А (кошкинская керамика) [8, с. 104, рис. 23: 4]; 10, 11 – пос. Кочегарово 1, 12 – пос. В. Алабуга 3 (маханджарская керамика)

Локальные варианты

Начиная с трехстадийной концепции, керамика, орнаментированная исключительно гребенчатым штампом в технике оттисков или шагания, но без «волнистого прочерчивания», связывалась с хронологическим аспектом развития материальной культуры и осмыслялась как поздний этап зауральского неолита, или финал полуденской культуры [2, с. 163; 3, с. 130–131; 4, с. 63]. Однако последние результаты датирования говорят о том, что даты для «классической» («волнисто-гребенчатой») и «гребенчатой» (с преобладанием оттисков штампа, а также монотонных рядов шагания) керамики являются практически одинаковыми, с незначительным приоритетом первой [12, с. 111]. Пространственный анализ коллекций памятников указывает скорее на географический характер этого различия, – при продвижении в горно-лесную зону количество орнаментации движущимся штампом, в первую очередь в технике «волнистого» прочерчивания, возрастает. Кроме того, среди полуденских сосудов лесостепной зоны встречаются мотивы, не имеющие прямых аналогов в ранненеолитической традиции, связанные с зигзагами и более сложно организованной композицией (рис. 3: 10, 11), что находит параллели в маханджарской посуде (рис. 3: 12). Несмотря на эти орнаментальные особенности, технология и морфология изготовления лесостепной полуденской керамики скорее продолжают традиции раннего неолита, являясь локальным вариантом. При этом отдельной проблемой становится посуда финального неолита, типологически выделенная только для ст. Чебаркуль 1 [13, с. 139, 140, рис. 46], а также пос. Кочегарово 1 [19, с. 58, 60, рис. 5в: 3, 4] – с опорой на одну дату.

Кроме таких приметных различий, как техника и мотивы орнаментации, обсуждение вопроса с А.А. Шориной обнаружило менее очевидные региональные различия, связанные с размерностью сосудов и орнаментов. Так как физическая неполнота емкостей крайней затрудняет вычисление размеров, опираться можно только на надежно реконструируемые диаметры венчиков. В целом, несмотря на достаточно большой размах в размерах (табл. 1), полуденские сосуды количественно представительных памятников демонстрируют, во-первых, почти совпадение диапазонов (и полностью совпадают на отрезках 14–33 см), во-вторых, отличаются не очень крупными размерами (средний размер диаметра устья тяготеет к интервалу 20–24 см). Основываясь на случаях археологически целых и хорошо реконструируемых емкостей, пропорциональность форм можно считать приземистой – высота емкости примерно равна диаметру устья и несколько меньше диаметра тулова (для закрытых форм), в соотношении (высоты к максимальному диаметру сосуда) около 0,8–0,85. Что касается используемых орнаментов, то в основном это зубчатые инструменты, оставляющие следы: шириной 1–2 мм (широкие штампы до 3 мм встречаются по 1–2 на коллекцию и визуально выбиваются из основного ряда); с количеством квадратных или прямоугольных зубцов от 3 до 12, чаще 5–7; общей длиной 1–3 см, чаще до 2 см, редко – до 4 см.

Таблица 1 – Размеры устья полуденских сосудов (памятники лесостепного Притоболья и Южного Зауралья)

Памятник, экз.	Диаметр устья, min, см	Диаметр устья, max, см	Средний диаметр устья, см
Пос. Ташково 1, 16	14	36	24
Пос. Долговское 3, 13	10	36	24
Пос. Кочегарово 1, 27	10	33	23
Ст. Кедровый мыс 1, 16	8	33	20

Заключение

В целом для решения вышеобозначенных проблем видятся следующие задачи. Во-первых, представляется логичным возвращение к представлению о существовании переходной – козловско-полуденской – стадии с тем набором характеристик, которые указывал О.Н. Бадер, характеризуя полуденский (развитый) этап неолита: сочетание всех техник орнаментации как стержнем, так и зубчатым инструментом, с тенденцией к увеличению доли последнего, а также большая, в сравнении с предшествующим временем, разреженность прочерченной техники. Длительность этапа предположительно может совпасть с периодом сосуществования ранне- и поздне-неолитических традиций, установленным по результатам абсолютного датирования. Для апробации данного тезиса требуется не только корреляция абсолютных дат с конкретными комплексами, но и внимание к нетипичным сосудам или элементам орнаментации. Во-вторых, представляется перспективным анализ и сравнение полуденских комплексов Зауралья с учетом географического фактора: природных зон и речных бассейнов, служивших транспортной сетью для социокультурных взаимодействий в пределах вмещающего ландшафта.

Список литературы:

1. Бадер О.Н. Археологические исследования на Урале в 1946 г. // Краткие сообщения Института археологии. 1948. Вып. XX. С. 78–81.
2. Бадер О.Н. Уральский неолит // Каменный век на территории СССР. М., 1970. С. 157–171.
3. Старков В.Ф. Мезолит и неолит лесного Зауралья. М.: Наука, 1980. 219 с.
4. Ковалева В.Т. Неолит Среднего Зауралья. Свердловск: Издательство УрГУ, 1989. 82 с.
5. Ковалева В.Т., Зырянова С.Ю. Неолитические культуры Среднего Зауралья: генезис, соотношение, взаимодействие // Проблемы изучения неолита Западной Сибири. Тюмень: Изд-во ИПОС РАН, 2001. С. 46–56.
6. Зах В.А. Хроностратиграфия неолита и раннего металла лесного Тоболо-Ишимья. Новосибирск: Наука, 2009. 320 с.
7. Бунькова (Герасименко) А.А. Керамика из жилища 1 поселения Полуденка 1 // Вопросы археологии Урала: сб. науч. тр. Вып. 26. Екатеринбург; Surgut: Магеллан, 2011. С. 125–140.
8. Еньшин Д.Н. Керамический комплекс поселения Мergen 7 (Нижнее Приишимье): характеристика и интерпретация // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2015. № 2 (29). С. 15–27.

9. Шевнина И.В., Логвин А.В. Освоение неолитическим населением Тургайского прогиба // *Stratum Plus. Археология и культурная антропология*. 2020. № 2. С. 57–69.

10. Шорин А.Ф., Шорина А.А. Хроностратиграфия неолитических объектов Кокшаровского холма и Юрьинского поселения // *Седьмые Берсовские чтения: мат-лы всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием*. Екатеринбург: Издательство «Квадрат», 2016. С. 40–47.

11. Клементьева Т.Ю., Погодин А.А., Дубовцева Е.Н. Поселение раннего неолита Шоушма 10 в верховьях реки Конды // *Поволжская археология*. 2020. № 3 (33). С. 84–99.

12. Мосин В.С. Неолит лесостепного Зауралья и Прииртышья: новейшие исследования и периодизация // *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2015. Т. 6, № 2 (62). С. 108–113.

13. Мосин В.С. Каменный век // *Древняя история Южного Зауралья. Сер. Этногенез уральских народов*. Т. 1. Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2000. С. 21–240.

14. Выборнов А.А., Мосин В.С., Епимахов А.В. Хронология уральского неолита // *Археология, этнография и антропология Евразии*. 2014. № 1 (57) С. 33–48.

15. Ковалева В.Т., Зырянова С.Ю. Историография и обзор основных памятников кошкинской культуры

Среднего Зауралья // *Вопросы археологии Урала: сб. науч. тр. Вып. 25*. Екатеринбург; Сургут: Магеллан, 2008. С. 73–113.

16. Зырянова С.Я., Ковалева В.Т. Основные тенденции в изучении неолита Среднего Зауралья (XXI в.) // *Археологическое наследие Урала: от первых открытий к фундаментальному научному знанию (XX Уральское археологическое совещание): мат-лы всерос. (с междунар. участием) науч. конф.* Ижевск, 2016. С. 61–64.

17. Яковлева Е.С. Маханджарские древности в контексте взаимодействия неолитических культур лесостепного Притоболья // *Маргулановские чтения – 2019: мат-лы междунар. археологической науч.-практ. конф., посв. 95-летию со дня рожд. выдающегося казахстанского археолога К.А. Акишева*. Нур-Султан, 2019. С. 201–207.

18. Вохменцев М.П. Памятники неолита, энеолита и ранней бронзы в лесостепном Притоболье / науч. ред. В.С. Мосин. Челябинск: ЦИКР Рифей, 2016. 137 с.

19. Яковлева Е.С. Планиграфия и стратиграфия неолитических поселений лесостепного Притоболья: возможности метода «связей» // *Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии*. 2020. № 2. С. 53–68.

Информация об авторе(-ах):	Information about the author(-s):
Яковлева Екатерина Сергеевна, аспирант отделения археологии и этнографии; Южно-Уральский филиал Института истории и археологии УрО РАН (г. Челябинск, Российская Федерация). E-mail: lugsamildanah@yandex.ru.	Yakovleva Ekaterina Sergeevna, postgraduate student of Archeology and Ethnography Department; South-Ural Branch of Institute of History and Archaeology of Ural Branch of Russian Academy of Sciences (Chelyabinsk, Russian Federation). E-mail: lugsamildanah@yandex.ru.

Для цитирования:

Яковлева Е.С. Поздний неолит Зауралья: полуденская проблематика // *Самарский научный вестник*. 2021. Т. 10, № 1. С. 218–225. DOI: 10.17816/snv2021101206.